

Михаил Попов. Наша рубрика называется «Голоса эпохи», журнал просто по определению является голосом своего времени, как бы вы для себя определили «Вертикаль. XXI век», это тенор, бас, баритон? Вообще, расскажите о журнале.

Валерий Сдобняков. Нижегородскому литературно-художественному журналу «Вертикаль. XXI век» в январе 2016 года исполнилось 15 лет.

Для его первого номера я написал статью, которую назвал «Обретение России». В ней попытался сам разобраться (и призвал подумать об этом будущих авторов и читателей), что такое для нас Россия. Можем ли мы, русские люди, прожить без той земли, на которой родились? Я попытался разобраться в этом спокойно, без эмоций и крикливых призывов, личностно – что мне делать, если представить, что страна потеряет своё лицо, перестанет быть национальной. И я понял, что тогда у меня просто не будет будущего.

Трудность появления «Вертикали» на свет была ещё и в том, что творческая интеллигенция в городе вообще и писательская в частности, в бурные годы социальных перемен оказалась на обочине политики, как бы утратила национальный ориентир. Перестала существовать огромная страна, а для них как будто ничего не произошло. Даже в частных беседах, в кулуарах эта болевая тема не обсуждалась. Не интересно! И тут вдруг какой-то выскочка решает эту тему поднять. Как это так? Недоброжелательство и тогда процветало, да и сейчас хватает с лихвой...

Но были и известные люди, кто нас поддержал. В своё время издание журнала благословил архиепископ Нижегородский и Арзамасский Евгений, а после кончины владыки – нынешний правящий архиерей митрополит Георгий. Архиепископ Евгений написал о «Вертикали»: «Считаю, что данное издание должно стать достоянием широкой общественности». Митрополит Волгоградский и Камышинский Герман «Во внимание к подвижнической деятельности по воссозданию в России христианского образа жизни» наградил журнал Дипломом православного Царицынского Александро-Невского фестиваля СМИ. В 2004 году издание было награждено премией Нижегородской области им. М Горького.

Классик русской литературы Василий Белов так приветствовал начало издания «Вертикали»: «Дорогой Валерий Викторович! Благодарю за два номера «Вертикали», на мой взгляд альманах уже пора называть журналом и нумеровать... Поздравляю волжан (почти по-вологодски звучит) с рождением истинно русского, т.е. православного журнала, надеюсь, вы выживете в смутные дни русского безвременья». Другой классик русской литературы Юрий Бондарев писал в редакцию: «Сердечно поздравляем с десятилетним юбилеем замечательный журнал, явившийся в трудное время рама российских невзгод. В эти суровые годы он сумел стать первым изданием на Волге, объединившим лучшие творческие силы России. Желаю мужества и дерзостей, вдохновения и процветания «Вертикали» в двадцать первом веке. Искренне ваш Юрий Бондарев».

Я привёл эти цитаты ради того, чтобы читатели поняли – мы сразу заявили о себе как о художественно-консервативном русском журнале, для которого традиции русской культуры являются главными и неиз-

блемыми. Хотя именно поэтому поэтому многие восприняли наше издание почти как религиозный журнал. До сих пор так и считают. Хотя я поначалу объяснял, что мы издание светское, и что истинная русская культура немислима без православных основ.

На самом деле с самого первого номера издание было ориентировано на читателя, любящего классическую русскую литературу, неравнодушного к отечественной истории, науке. И теперь авторы прозы, стихов, очерков и публицистических статей, литературно-критических и исторических работ размышляют о месте России в современном мире, о её значении в общемировом процессе. Причём творческому коллективу удалось избежать уже давно набивших оскомину псевдо православных штампов, когда в произведениях многожды упоминается всуе имя Господа, но дух творчества, интеллектуального поиска отсутствует.

За прошедшие годы с журналом сотрудничали и продолжают творческую связь такие известные русские писатели, как Юрий Бондарев, Валентин Курбатов, Владимир Крупин. У нас публиковались Василий Белов, Валентин Распутин, Семен Шуртаков, Олег Шестинский и многие-многие другие. Были постоянными авторами журнала и такие известные нижегородские писатели, как Юрий Адрианов, Валентин Николаев. Известные российские ученые, академики РАН, доктора наук В.А. Садовничий, Л.А. Ильин, М.И. Козин, В.А. Кутырев печатали на страницах «Вертикали» свои статьи, размышления о наболевшем, о духовном состоянии сегодняшнего российского общества, о проблемах, связанных с образованием, экологией, философией, социологией, исторической наукой. Творческий багаж, собранный журналом за эти годы, огромен, всех авторов просто невозможно перечислить.

Не без гордости скажу и о том, как произведения этих авторов восприняла критика.

«Журнал настроен очень серьёзно, отнюдь не собираясь развлекать читателей. Больше всего главного редактора В. Сдобнякова поражает та недоброжелательность, с которой представители господствующих сейчас течений в культуре встречают всё, что связано с истинными художественными ценностями. Именно обращению к последним посвящены материалы номера» (Александр Яковлев, «Литературная газета»).

«Журнал от номера к номеру удивляет продуманностью представленных в нём публикаций... Мало того, что он представлен в увеличенном объёме, но и композиционно, по содержанию он выстроен и продуман так, что, открыв «Вертикаль» на первой странице, волей-неволей читаешь его до самой последней» (Александр Асеевский, «Нижегородские новости»).

«Действительно, здесь есть свобода эссе, напряжённая интрига интеллектуального, даже философского поиска ответов на мировоззренческие вопросы и одновременно – задушевная исповедальность... Тут удалось главное – избежать категоричности, указующего перста, навствления. Он приглашает читателя пройти вместе путь робких предчувствий, сомнений, трудного поиска истины в дебрях событий давних и последнего времени, в сшибках взглядов и мнений» (Ирина Мухина, «Нижегородская правда»).

«Если бы можно было позволить себе говорить о литературном издании, как о произведении живописи, то я бы сказал, что редакцией найдена верная тональность. Интонация беседы с читателем доверительная и негромкая, как в общении с добрым человеком. Даже в раздумьях о современной России нет визгливых мнений и базарного крика. Всё содержание нового издания обращено к надежде на обретение человеческой душой вечных нравственных истин. Оглядываясь назад, на прошлые времена, размышляя над потоком нынешних дней, проза, поэзия, публицистика «Вертикали» ищет негромко и нешумно, но достойных ответов на смысл бытия. (Юрий Адрианов, «Земля Нижегородская»).

И таких добрых отзывов на деятельность журнала очень много. Так что, отвечая на ваш довольно неожиданный вопрос относительно «голоса» журнала, я бы назвал его срединным, баритональным.

М. П. *Нижний Новгород справедливо называют третьей столицей России. Влас Дорошевич писал, что в России три славы: Петербургская, Московская и Поволжская, а столица Волги – Нижний. В чём нынче особенность этого Нижегородского культурного характера?*

В. С. Знаете, особенность культурного характера выделить сложно. Во всяком случае мне, так как я сам непосредственно нахожусь внутри этого характера вот уже более тридцати пяти лет. Безусловно, Нижний Новгород имеет свои закреплённые веками культурные традиции. Здесь много театров. Здесь знают и любят музыку – всегда переполненные концертные залы в филармонии и консерватории тому подтверждение. Здесь всегда трудились известные в России писатели – можно вспомнить Карамзина, Мельникова-Печерского, Даля, Короленко, Горького. Если взять советский период, то это романист Николай Иванович Кочин, поэты Александр Иванович Люкин, Юрий Андреевич Адрианов, Фёдор Григорьевич Сухов.

Но вот как-то выделить особый, «нижегородский» культурный код мне очень сложно. Тут лучше говорить о тенденции, которая, увы, как и во всей России не утешительная. Я уже отмечал, что для меня было определённым потрясением наблюдать за тем, как в конце восьмидесятых – начале девяностых годов прошлого века провинциальная творческая интеллигенция спокойно, даже безразлично, воспринимала то разрушение страны, которое происходило у неё на глазах. Эта художественная «элита» оказалась вне политики и вне национальной трагедии. Она оказалась абсолютно самодостаточной. Все места «классиков» во всех сферах художественной деятельности были распределены и остались непоколебимы. Классики же оказались большей частью дутые, своим «творчеством» или «авторитетом» не влиявшие ни на принятие властями каких-то решений, не имевшие авторитета среди жителей города.

Всё, что выходило за пределы понимания культурного процесса в городе – или уничтожалось, или изгонялось. Поэтому, хоть мне и хотелось как-то выделить именно «нижегородский культурный характер», но сделать это, не покрывив душой, я не смогу. Увы, но Нижний Новгород сегодня в творческом плане довольно далёкая окраина империи, из которой изгнано почти всё живое, самостоятельно мыслящее. Кто, повторюсь, не подчиняется установленным правилам, того в культурном пространстве региона просто нет. Деятельность и творчество таких людей замалчивается, о них не говорят и не пишут. Чем ты талантливее, тем стена вокруг тебя глуше и выше.

М. П. *Как вам, редактору толстого журнала, кажется, что ждёт в ближайшем будущем, а может, и не в ближайшем, наших российских «толстяков»? Складывается впечатление, что «культурные» власти то ли забыли, то ли вообще не слышали о том, что толстые литературные журналы представляют собой главный бриллиант в короне русского ментального своеобразия, извините за пышность слога.*

В. С. Я оптимист. Конечно, прежнего заметного влияния «толстяков» на литературный процесс в стране не будет, но и совсем литературные журналы из него не выпадут. Потому что литературные журналы – это совершенно особый показатель качества существования русской литературы. Это та площадка, которая даёт возможность удерживать качественный уровень литературной, художественной, общественной мысли в обществе. Конечно – в самостоятельно мыслящем обществе, а не в толпе, погружённой в созерцание очередной мыльной оперы по телевизору. А коли самостоятельно мыслящих людей во все времена в нашей стране (впрочем, как и во всех других странах) было не так уж и много, то и тиражи наших журналов неизбежно должны были «свернуться». Это и произошло совершенно закономерно.

Помню, как в начале двухтысячных я встретился на улице с одним бывшим высоким милицейским чином. Разговорились, начали спрашивать друг у друга, кто чем занимается. Сказал ему, что издаю литературный журнал. Изумлению моего знакомого не было предела. «Да разве

сейчас кто-нибудь читает?» И это у меня спрашивал известный в своё время книголюб, следивший за всеми литературными новинками, в том числе появлявшимися и в литературных журналах. Пришлось ему ответить: «Кто раньше читал, тот и сейчас читает. А кто только следил за модой, так тот перестал читать, как только эта самая мода изменилась».

И ведь не мудрено. Настоящее чтение – это всегда труд. Это воспитание в себе литературного вкуса, это беспокойные поиски внутри себя важных ответов. А обывателю зачем себя мучить, когда это не приносит никаких дивидендов?

Другое дело – почему власти не поддерживают существование толстых литературных журналов. Здесь могут быть два ответа, и оба они, на мой взгляд, имеют право на существование. Первый – это то, что пришедшие во власть люди сами в большинстве своём не начитаны. Для них литературный журнал – что-то непонятное. А непонятное пугает или раздражает. Во всяком случае вызывает отторжение. Пятнадцать лет я правдами и неправдами достаю деньги для издания журнала «Вертикаль. XXI век», и все эти годы не устаю удивляться, как люди, выкидывающие огромные деньги на полнейшую и никому не нужную ерунду, патологически жалеют потратить копейки на издание книг вообще и журнала в частности. Они могут закатить грандиозный банкет в ресторане или снять шикарную сауну, устроить поездку на экзотические острова или подарить непонятому человеку (широко, с барской руки) дорогущий перстень. Но попробуйте попросить этих людей профинансировать издание книги – их гневу не будет предела!

Но, я думаю, тут есть и другая причина, почему власти не поддерживают журналы. А вы спросите у них – им нужны образованные, самостоятельно думающие люди? Вот вам и разъяснение непостижимой загадки.

Всё зависит от того, какие задачи ставит перед собой правящая элита. Если воспитание безропотного полуграмотного стада – это одно. Если мы хотим создать крепкое государство с перспективой развития на сотни лет вперёд – это совсем другое.

Помню, когда читал дневники Константина Симонова о Сталине, то был поражён тем, как глубоко и широко вождь знал отечественную литературу. Симонов рассказывает, как на заседаниях комитета по Сталинским премиям Иосиф Виссарионович давал глубокий анализ прочитанных произведений, выдвинутых на государственную премию, а потом ещё спрашивал – почему члены комитета не обсуждают повесть, опубликованную в каком-то сибирском альманахе? Он следил за всей литературой. Кто сейчас на это способен?

М. П. *Сколь бы сложны ни были проблемы, стоящие перед редакцией, рук опускать, вы, уверен, не намерены. Что интересного вы предложите своим подписчикам в новом году?*

В. С. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на те интересные работы, которые мы опубликовали в прошедшем году. Например, «Мастер и Маргарита»: детективная линия и прототипы» А. Абрашкина и Г. Макаровой. Мне кажется, что это исследование заслуживает самого пристального читательского внимания. Авторы провели огромную работу по «расшифровке» героев произведения, попытались доказать, кого именно из живших в то время писателей имел в виду Булгаков, описывая того или иного героя романа. Захватывающее чтение. Или вот книга Евгения Юшкова «Лампада моя тлеет...» – удивительные размышления священника о жизни, вере, искусстве. Сам он вырос в семье священника, пять родных братьев тоже стали священниками, а Евгений Николаевич, прежде чем принять сан, окончил ещё и Горьковское художественное училище, много поработал, расписывая и восстанавливая храмы. Мне кажется, что определённым открытием для наших читателей стали стихи епископа Каскеленского, vicария Астанайской епархии Геннадия (Гоголева). Мы познакомились с владыкой на Пушкинском празднике в Пскове, и это знакомство вылилось в твор-

оческое сотрудничество. Мне кажется, что епископ Геннадий очень мудрый, вдумчивый поэт. Наконец, большой интерес у наших читателей вызвала ваша повесть «У лукоморья дуб зелёный». Споры по поводу неё были довольно жёсткие – от полного неприятия до искренних восторгов (последних, ради объективности надо отметить, было подавляющее большинство). Мне, как редактору, такие дискуссии по душе. Это в первую очередь и доказывает, что у нас хватает ищущих, неравнодушных читателей.

Кстати, возвращаясь к вопросу о дальнейшем существовании толстых литературных журналов. Только в них, на этих печатных площадках возможно столкновение различных мнений, различных точек зрения. Только в них читатель может разом ощутить разносторонность литературного процесса, литературной жизни в стране. Это полигон как для живой мысли, так и для живого чувства.

Теперь о будущем.

Мы начинаем печатать заметки из новой книги о Евгения Юшкова «Последняя тетрадь». Надеюсь, всю работу выпустим в свет к 80-летию автора. Мной и известным русским критиком и публицистом Александром Ивановичем Казинцевым подготовлена довольно большая беседа «Объединяла русская боль». Это размышления о патриотическом движении в России, о писателях, чьи произведения составили славу журнала «Наш современник» и кто по-настоящему только начинает свой путь в литературе. Традиционно для авторской рубрики «Пора перечитывать» Валентин Яковлевич Курбатов прислал нам свою новую статью. У этой рубрики в нашем журнале уже довольно большая славная история. Будем надеяться, что она ещё долго не прервётся.

Наш постоянный автор Владимир Чугунов за прошедшие годы много поездил по свету, принимал участие в различных литературных форумах и книжных ярмарках. Недавно он подготовил очерк своих впечатлений о Сербии, о том, что и как там читают. Очень поучительный материал.

Николай Офитов – это имя мало что говорит широкому читателю. Но этот писатель передал в редакцию «Вертикали. XXI век» свои рассказы-воспоминания о годах войны, о стойкости русских людей, переносивших ради победы голод и лишения, потерю близких и родных, но не сложенных, не павших духом. Автор вырос в деревне недалеко от Нижнего Новгорода, отслужил в армии, закончил журналистский факультет Московского государственного университета и всю оставшуюся жизнь прожил в Москве. Но как чисты и трепетны его воспоминания о детских годах, о матери, о родной земле!

Не могу не отметить и новую работу уже упомянутого мною Анатолия Абрашкина – «Памятка русскому человеку: Средиземноморская Русь». Доктор физико-математических наук Абрашкин давно исследует древнейшую русскую историю. Его книги издавались и переиздавались многими московскими издательствами. И вот новый взгляд на историю развития средиземноморского побережья.

В общем, мне, видимо, надо заканчивать с представлением тех материалов, которые мы сейчас готовим к публикации, иначе я говорить на эту тему могу бесконечно долго – так много интересного скопилось в нашем редакционном портфеле. Главное другое – есть преданные наши читатели, многолетние подписчики, для которых выход каждого нового номера «Вертикали. XXI век» – праздник. Вот для них мы в первую очередь и работаем.

М. П. Знаю, что по главному своему предназначению вы всё-таки прозаик, а не редактор. Что у вас сейчас на рабочем столе, поделитесь, если это в ваших правилах. Что у вас вышло из печати?

В. С. Удивительная вещь, но, когда мне исполнилось пятьдесят пять лет, я вдруг испытал острую необходимость подвести какие-то итоги, навести какой-то порядок в своём литературном архиве.

Жизнь меня наградила встречами, дружбой с людьми талантливыми, замечательными, которые к тому же ко мне относились с добротой,

мною, я в этом убеждён, незадуманной. И настало время ответить этим людям тем же. Конечно, что-то я писал о них и ранее, но впервые осознанно я все очерки и воспоминания собрал вместе, отредактировал, дописал, что-то переписал и затем издал отдельной книгой «Душа живая».

Получился довольно солидный том, но главное, какой-то камень с души я убрал и мне задышалось легче.

Но тогда встал другой вопрос – необходимо также собрать и издать книгу своих странствий. И дело не только в том, что, как у всякого литератора, у меня было довольно много перемещений по земле – нет. Эти странствия, в своём подавляющем большинстве, происходили внутри меня, внутри моей души – странствия в поиске жизненных, духовных основ, без которых всё происходящее вокруг оказывалось пустым и ненужным. Так появилась на свет книга «Сроки. И наступит время правды». Обе книги были неотъемлемыми частями единого целого.

И когда «Душа живая» и «Сроки» соединились в единое целое, то я явно увидел, что им для полноты восприятия недостаёт третьей книги, в которой были бы собраны мои беседы с современниками – писателями, художниками, учёными, политиками, производственниками. Я всегда старался вести эти беседы максимально открыто, чтобы они остались документом времени. Все они публиковались в первую очередь в нашем журнале, а потом довольно широко расходились и по другим изданиям, правда, как правило, уже сокращёнными, без спорных мест или тех оценок, которые не устраивали каких-то отдельных писателей или читателей. Я же убеждён – правда превыше всего! Вот так появилась книга «В предчувствии Апокалипсиса», которая завершила создание единого целого, которое можно было бы назвать как «Человек и его время». Это был большой труд, объёмом в общей сложности под тысячу страниц, очень важный для меня, который мне принёс удовлетворение не как прозаику, а как очеркисту, публицисту, как человеку, который осмыслил своё место во времени и пространстве.

Именно после этого мне захотелось поработать с художественным словом, и я подготовил небольшую книжку прозы, в которую вошла повесть и несколько рассказов. Книгу назвал «Говорящее дерево». Издание её профинансировало правительство Нижегородской области. Когда я её готовил к печати, мне в этой книге хорошо дышалось – вольно, просторно. Думается, что это лучшая моя прозаическая книга. Может быть потому, что главные герои в ней – дети. Вернее, сам я, но разных возрастов. В ней я будто сам возвращаюсь в разное время своей жизни... и очень многое для себя заново открываю, воспринимаю, осмысливаю.

М. П. *Вопрос как практикующему сочинителю. Тургенев как-то сказал: если мой герой случайно встретит в пустыне льва, он побледнеет и бросится бегать. Герой Достоевского покраснеет и останется на месте. Ваш герой к кому прижмёт, к герою Тургенева или Достоевского, или, может быть, выберет третий путь?*

В. С. Мой герой, совершенно точно, пусть даже с пустыми руками, кинется на льва. Это потом ему будет страшно, потом, если выживет, осознает своё безрассудство. Но первый порыв, первый импульс будет именно таким. Увы, за подобные порывы самому мне в жизни пришлось немало пострадать. Но ничего с собой поделать не могу.

Ненавижу трусость, ложь, предательство, приспособленчество. Слишком рано, ещё совсем молодым человеком, осознал, что этого очень много в нашей жизни. Но пережитый страной СССР катаклизм разрушения доказал, что этого не просто много, это подавляющее, правящее чувство в так называемых «массах». Ну не безумие ли против этих масс восставать? Конечно – безумие. Но если бы всё было только в нашей власти... Зачастую какая-то непонятная сила заставляет нас поступать «безумно», что невообразимо раздражает, злит окружающих. Вот появляются непонятные, дутые «современные литературные классики». Все восхищаются, буквально трепещут при произнесении «святого имени». Просят и

время присоединиться к всеобщему восторгу, дать интервью. Ты даешь интервью и говоришь совершенно не то, чего от тебя ожидали. Но ничего уже не исправить – дело сделано. И окружающие начинают тебя тихо ненавидеть.

Ну, казалось бы – какая разница, что кто-то думает иначе. Но нет, встаёт вопрос – почему мы не смеем, а он смеет?

Вот это и значит пойти на льва. Хотя общепринятое общественное мнение бывает куда страшнее любого самого кровожадного зверя.

М. П. *Сейчас много разговоров о том, что, мол, литература вообще умирает, читать люди перестают... Как по-вашему, в какой степени и в каком смысле изменилась роль литературы в обществе в последние десятилетия?*

В. С. Литература не умирает и не умрёт.

Другое дело – книгу вывели из социального, общественного обихода. Современному человеку, голова, сознание которого забиты невиданным количеством ненужной информации – рекламой, сплетнями и склоками, предсказаниями о конце света всевозможных шарлатанов и битвами экстрасенсов – просто некогда подумать о книге. Он о ней не вспоминает, потому что о ней не говорят, её не рекламируют, он её не видит в своём окружении.

Как-то я привёл в изумление одну даму. Мы компанией приехали отдохнуть на берег реки. И пока раскладывали стол, я по привычке взял книгу и, встав у самой воды, стал читать, чтобы не терять время попусту. И вдруг слышу искренне изумлённый голос – я и позабыла, когда видела в последний раз, чтобы человек читал!

Или другой случай – его мне рассказал знакомый фотограф. Он проводил фотосессию с одним депутатом и в конце, нафотографировав героя в его огромном доме, предложил – давайте сделаем несколько снимков с книгами. А у меня их нет – был удивлённый ответ. Нет – потому что это не модно, не престижно.

Но как только человек сталкивается с книгой, видит её, она попадает к нему в руки – с ним что-то моментально происходит. Возвращается древняя, на генетическом уровне сохранённая память, что эта сформированная под обложкой стопка бумаги с испещрёнными буквами страницами имеет для его жизни важнейшее значение. Это я утверждаю не умозрительно, а по итогам проведённого собственного и довольно масштабного эксперимента. Сейчас не буду о нём рассказывать в деталях, но именно его итоги подтолкнули меня к мысли, что наша наиважнейшая задача сейчас просто напомнить огромному количеству людей о существовании книги.

И ещё – пока богослужения в наших храмах будут идти по книгам, до тех пор книга в мире не погибнет.

Что же касается той степени, в которой изменилась роль вообще литературы в нашем обществе, то я бы и тут не стал очень уж драматизировать. Обыватель, так он по-настоящему никогда и не интересовался литературой, она для него не была средством духовных поисков, разрешением нравственных конфликтов, поиском выхода из исторических противоречий. В лучшем случае – спасением от скуки. Люди же думающие никогда от книги не отказывались.

Иными словами – в своём исконном значении роль литературы в нашем обществе осталась неизменной. Просто это течение ушло несколько на глубину общественной жизни. Но опосредованное влияние его так же очень значимо.

Я думаю, что и поэтому серьёзная литература в стране замалчивается. Её боятся!

М. П. *Наверняка Вы много читаете и не по работе, случались ли у Вас в последнее время яркие читательские открытия?*

В. С. Удивительная вещь, но самыми яркими открытиями последнего времени стали для меня перечитанные романы «Будденброки» и «Волшеб-

ная гора» Томаса Манна и «Шум и ярость», «Осквернитель праха» Уильяма Фолкнера. Как всё-таки со временем меняется наше восприятие великой литературы. Что-то неведомое с нами происходит, и тогда то, чего раньше не замечал, не ощущал, вдруг начинает при новом прочтении произведения не то чтобы потрясать, но задевать, тревожить в нашей душе очень важное (жизненно, бытийно) сладостно-болезненно-щемящее. Трудно подобрать эпитет, чтобы точно выразить переживаемое чувство.

К сожалению, если говорить о современной русской литературе, ничего подобного уже давненько переживать не приходилось. Хотя у нас ещё выходит достаточно очень хороших, запоминающихся книг. Тут можно много имён назвать: Михаил Тарковский, Алексей Варламов, Владимир Личутин, Пётр Краснов, публицист Александр Казинцев... Ещё довольно долго можно перечислять. Но это всё писатели, давно утвердившиеся на русском литературном поле. Открытие же...

А знаете, назову одного писателя, чьи романы и повести я прочитал и с некоторым удивлением, и с искренней радостью от понимания безусловной талантливости автора – это Геннадий Петров (Геннадий Петрович Шквиренко). Сейчас он проживает в США, но по своей творческой сути он остаётся подлинным русским писателем. Не так давно я прочитал новую для меня его повесть «Ледяная купель». Текст её автор переслал по электронной почте, но сейчас это произведение уже опубликовал смоленский альманах «Под часами». Повесть написана истинным художником, в глубоких традициях русской прозы – с поиском выхода из безвыходных, вечных вопросов. Страшное дело – гражданская война. И нет в ней правых и виноватых среди тех, кто убивает друг друга за идею. Хотя виновные в этой безвинной крови, конечно же, есть. Это те, кто стравливает людей, озлобляет их друг против друга, и на этом зарабатывает свои барыши, политические прибыли. Мы подобное пережили. Затем пережили распад страны. Теперь видим, как на Украине ради политических выгод несогласных озверевшие националисты живо сжигают, убивают детей сотнями. А те, кто (хоть сто лет назад, хоть сейчас) задумал всё это, вещают свысока о демократии, добре и справедливости. Нет, в гражданской войне только ложь, из которой невероятно тяжело выбраться.

М. П. *Кроме того, что вы главный редактор журнала, вы ещё и руководитель областной писательской организации. Как вам удаётся организовать литературный процесс в своём регионе, если, как вы сами говорите, творчество талантливых людей замалчивается? И ещё – сейчас много разговоров о том, нужен ли вообще Союз писателей? А если нужен, то в чём его главная задача?*

В. С. Я в первую очередь вижу свою задачу в том, чтобы донести до читателей истинную литературу, созданную нашими настоящими писателями, противопоставить её тем поделкам, что штампуют якобы признанные, а на самом деле, абсолютно «дутые» местные так называемые «классики». Да, они много сами о себе говорят в прессе, упиваются своим величием, их книги издают и переиздают за счёт местного бюджета, они распределяют между собой областные литературные премии, но ведь их «произведения» никто не читает. Невозможно людей обмануть – они видят подделку.

Сейчас у нас на учёте состоит 60 человек. Ещё семь человек числятся, но они условно входят в состав Нижегородской областной писательской организации. Иногда нас ругают за то, что мы уж очень требовательны к приёму в свои ряды новых членов. Но ведь иначе и быть не может. Я ставлю черед собой задачу, чтобы в союзе состояли только талантливые, высококвалифицированные люди, авторы настоящих книг, а не самодельных поделок. У нас в составе организации десять докторов наук (сельскохозяйственных, философских, исторических, медицинских, филологических, технических, физико-математических), а также два кандидата наук, три протоиерея, заслуженный артист РФ. Всё это творчески и общественно значимые люди. Их мож-

но назвать золотым интеллектуальным фондом области. И только Союз писателей может объединить этих, таких разных, но, безусловно, талантливых людей. Мы защищаем их право на творчество, потому что являемся своеобразным критерием оценки качества современного литературного процесса.

Меня часто спрашивают: «А что должен сделать писатель, чтобы вступить в вашу организацию?» Отвечаю – надо написать хорошую талантливую книгу, хотя бы одну. Коллегиальность в нашем союзе и существует как раз для того, чтобы определить качество написанного. При обсуждении у нас неизменно возникают жаркие дискуссии, но это в порядке вещей, поскольку мы носители разного мировоззрения, однако у всех нас есть понимание того, как должно быть написано. Это ремесло, которое оттачивается десятилетиями в процессе создания собственных книг.

Увы, но сегодня вся литературная деятельность сведена в первую очередь к энтузиастам. Тем с большим уважением к их труду следует относиться. Они не дают затухнуть пламени истинной русской литературы.

М. П. *В начале нашей беседы вы упомянули, что издание вашего журнала благословляли иерархи Русской Православной Церкви. А вообще насколько важно лично для вас взаимоотношение литераторов и Церкви?*

В. С. На первый взгляд ответ очевиден. Но это только на первый взгляд. Вообще, я думаю, что сейчас, когда вроде бы многие насущные материальные вопросы нашей Церковью решены (в полном достатке изготовлено утвари для богослужений, издано множество всевозможной духовной литературы, восстановлены тысячи храмов и монастырей, созданы православные издательства, организована работа своих СМИ и т.д.), пришло самое время перейти к сотрудничеству со здоровыми творческими силами по укреплению традиционной русской культуры. И в этом направлении что-то вроде бы даже делается. Например, учреждена Патриаршая литературная премия. Но этого так недостаточно. Особенно на местах, в глубинке этот недостаток остро ощущается.

Такое впечатление, что время горения, неопитства, возрождения прошло, все успокоилось и священники вместе со своим священноначалием теперь больше обеспокоены разными административными делами, чем вопросами духовного окормления паствы. Под духовным окормлением я подразумеваю не только совершение литургий, исполнение треб, но и приобщение паствы к высокой культуре, к творчеству. В связи с этой темой приведу один пример из собственной практики.

В Нижегородской епархии есть своя газета. Я побывал у её редактора и спросил, почему «Нижегородские епархиальные ведомости» никак не отражают на своих страницах вопросы культуры, литературы. К нам приходят много православных авторов, которым просто некуда предложить свои произведения.

– Кто вам сказал, что мы литературная газета? – был мне ответ.

– Зачем вам быть литературной газетой. Я на этом настаиваю. Но раз значительная часть прихожан приобщена к творчеству, то разве вы не должны и к её нуждам обращаться. К тому же я убеждён, что в творчестве человек зачастую более откровенен, более здраво оценивает свои поступки, разбирает их, чем на исповеди. Разве вам безразлично, о чём думает, переживает, чем живёт ваша паства.

– Это не наш вопрос.

Иными словами – нам наплевать на всё то, что не приносит в кассу прихода прибыли.

Ну и куда мы с таким подходом к нуждам людей (а творчески одарённые люди чаще всего и самые деятельные, думающие, неравнодушные – но их творчество чаще всего не востребовано) придём?

Так что тут много неразрешённых вопросов, проблем и противоречий. И чем спокойнее, устойчивее становится жизнь нашей Церкви, тем они становятся более явными и требующими незамедлительного решения.